

ЗУБКОВА Л. Г.

О СООТНОШЕНИИ ЗВУЧАНИЯ И ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

(К проблеме «произвольности» языкового знака)

1. Независимо от того, как решается проблема знаковости применительно к единицам языка — принимается знаковая теория слова или нет, считается знаком слово в целом или только его звуковая сторона, — единство звучания и значения слова признают все. Но, следуя давней традиции, восходящей к Аристотелю, сторонники знаковых концепций нередко считают произвольными звуковую сторону слова и ее связь с содержательной, одновременно полагая, что «отношения между звучаниями не являются произвольными, а соответствуют отношениям понятий и тем самым вещей» [1, с. 63]; ср. [2]. Исходя из этого, корреляции между звучанием и значением языковых единиц трактуются как индуцирование отношений между означающими отношениями между означаемыми [2, 3], которое «не затрагивает сферы „вертикальных“ отношений между означаемым и означающим, характеризующихся условностью и отсутствием мотивации» [3, с. 39]. Дело в том, что, по мнению указанных исследователей, «специфические отношения между означающими, обусловленные отношениями между соответствующими означаемыми, не отражают, не являются иконическим повторением специфики этих последних» [3, с. 39].

В современных знаковых теориях, отрицающих или ограничивающих произвольность звуковой стороны слова и ее связи с содержательной, помимо исторических и социальных соображений, исходят главным образом из системности языка. Рассмотрение языкового знака как члена системы заставило признать его сложный, смешанный характер: языковой знак совмещает в себе иконические, индексальные и символические признаки [4]. С таким пониманием природы языкового знака трудно не согласиться. Условность (произвольность) связи звучания слова с обозначаемым предметом или явлением внешнего мира (даже в случае звукоподражаний, не говоря уже об исторически мотивированных словах — производных и с переносными значениями) не означает еще произвольности связи звучания со значением во всех аспектах последнего, ибо содержательная сторона слова многослойна и включает не только предметно-вещественное (лексическое) значение, но и формально-структурное (грамматическое). Само лексическое значение тоже многоаспектно и, будучи отражательной категорией, все же не сводится целиком к денотативному и сигнификативному аспектам и содержит еще и структурный аспект, характеризующий слово как элемент данной языковой системы. А так как язык представляет собой «систему, связывающую значение со звуком» [5, с. 23], то сама эта связь должна носить системный характер. Поэтому элемент произвольности должен быть ограничен определенными рамками, которые задаются самой системой и сами служат ее индексом. Выражением таких ограничений выступают, в частности, диаграммные соответствия между означаемыми и означающими. Эти соответствия привносят в языковые знаки иконические признаки [4]. Для выявления последних мало широко обсуждаемых единичных примеров типа англ. *father* — *mother* — *brother*, русск. *девять* — *десять*, случаев звукового символизма, звукоподражаний и других периферийных и в общем немногочисленных явлений. Необходимо системное обследование всего словаря на основе преодоления одностороннего подхода к слову, когда «общее понятие слова дробится на множество эмпирических разновидностей слов» и со-

ответственно «являются „слова фонетические“, „слова грамматические“, „слова лексические“ или „слова-понятия“» [6, с. 33]. Чтобы понять сущность слова, его знаковые свойства и закономерности связи его звучания со значением, слово должно рассматриваться в единстве всех своих сторон.

2. Представление о произвольном характере как звуковой стороны слова, так и ее связи со значением подкрепляется представлением о линейной дискретности, но не глобальности звучания (этому способствует фонематический и графический гипноз) и как следствие этого представлением о внутренней неупорядоченности и даже хаотичности фонемного состава слов и морфем, прежде всего в неслоговых языках [7, с. 135—138, 273]. Соответственно материальная сторона слова именуется звукорядом, звукокомплексом, звуковым отрезком, звуковой оболочкой, звуковой (знаковой) формой или стороной, но, как правило, не структурой или организацией, причем «...слово „форма“ используется не в смысле „устройство, организация, структура“, а в значении „внешний вид, облик“» [7, с. 191]. Таким образом, понимание звуковой стороны слова как исключительно дискретной объективно влечет за собой отрицание ее структурированности, ибо структура предполагает е д и н с т в о прерывности и непрерывности [8, с. 433—434], форма же характеризует объект как дискретный с внутренней стороны и непрерывный, целостный — с внешней.

В противоположность звуковой стороне слова его смысловому содержанию приписывается глобальность, непрерывность, иерархическая структура [7, с. 136—138; 9, с. 51—53, 68—69]. В основе данного противопоставления звучания и значения, по-видимому, лежит тезис об отсутствии изоморфизма, симметрии между планами языка. Явления «непараллельности» звучания и значения, возведенные в абсолют, порождают иногда иллюзию большей, чем она есть, автономности плана выражения по отношению к плану содержания, независимости членения и иерархической организации плана выражения от членения и иерархической организации плана содержания (см. например [10, с. 98]). Широкое распространение подобных представлений привело к тому, что в фонологии в центре внимания оказалась различительная функция звуковых средств в ущерб конститутивной, а в качестве единицы интеграции и дистрибуции фонем был провозглашен слог. Это отвлекло от исследования функциональных свойств звуковых единиц как средства выражения языковых значений, от изучения фонетической структуры различных классов морфем и слов и не способствовало раскрытию закономерностей связи звуковой организации слова с его значением.

3. Если при анализе синтагматики фонем идти от значения, т. е. исходить не из слога, а из морфемы как минимальной значащей единицы языка (учитывая при рассмотрении звуковой стороны слова его системные характеристики — морфемное строение, словообразовательную структуру, словоизменительный тип, синтаксические связи и лексические свойства), то представления о неупорядоченности, дискретности, произвольности звуковой стороны слова окажутся поколебленными. Упорядоченность и отсутствие произвольности в звуковой организации слова — необходимое следствие принципа избирательности, действующего в обоих планах языка и в их соотношении друг с другом [11]. Подобно тому как «в пределах данного семантического пространства язык может „избрать“ отдельные значения для грамматического выражения, оставляя выражение других возможных значений на долю лексики и контекста или вообще оставляя те или иные отношения невыраженными [12, с. 13], так и в арсенале звуковых средств язык использует — да и то в различной степени — какую-то одну их часть, совсем не используя остальные.

Принцип избирательности на фонологическом уровне, и в частности в звуковой организации морфемы и слова, проявляется тройко. Во-первых, в виде ограничений физиолого-акустического порядка. Например, во всех языках, выделяющих слово как единицу языка, синтаксически самостоятельное полнозначное слово, способное составить потенциальный

минимум высказывания, должно быть произносимым и поэтому содержать хотя бы один слог как минимальную произносительную единицу. В соответствии с объемом оперативной памяти человека средняя длина слова в слогах ограничивается числом 7 ± 2 . Во-вторых, принцип избирательности проявляется в виде ограничений, характеризующих данный тип языков. К ним в частности, относится преимущественная закреплённость тона за изолирующими языками, сингармонизма — за агглютинативными, ударения (в словоопознавательной и различительной функциях) — за фузионно-флективными. Другим примером системно-типологических ограничений может служить нейтрализация противопоставления глухих/сильных и звонких/слабых согласных в исходе слова в синтетических славянских языках в отличие от аналитического английского [13, с. 107—108]. В-третьих, избирательность манифестируется в виде ограничений, свойственных данному языку. Так, в русском языке нет слов, оканчивающихся на мягкий заднеязычный согласный, а по законам редукции в простом слове запрещены последовательности гласных /о — о, /о — е/, /е — о/ и т. п. Не менее важно и то, что разрешенные в данной системе фонемы и их последовательности, слоговые структуры, суперсегментные модели и др. также используются далеко не полностью, весьма избирательно и неравномерно. Так, применительно к английскому языку установлено, что «... в словарном составе языка использовано не более 8—8,5% фонетически возможных односложных корневых слов» [14, с. 117]. В русском языке среди возможных акцентных схем резко преобладает одна — с постоянным ударением на основе.

4. Представление об исключительно дискретном характере звучания подрывается уже тем, что с физической точки зрения звуковая сторона слова в потоке речи отнюдь не дискретна и что фонетическое членение вообще и выделение фонемы в частности производно от смыслового членения, вследствие чего линейная дискретность звуковой стороны слова как некой последовательности фонем есть проекция — прямая или косвенная — смыслового членения. Степень же дискретности зависит от значащих единиц, прежде всего от минимального объема морфемы, а он, в свою очередь, определяется соотношением морфемы со словом и слова с предложением.

Но, подобно содержанию слова, его материальная сторона не может быть только дискретной. Слово должно быть целостным и обладать внутренне упорядоченной звуковой структурой, ибо этого требуют такие общие условия его функционирования, как синтаксическая автономность (потенциальная изолируемость) и позиционная самостоятельность.

Интуитивно целостность материальной стороны слова и ее структурированность осознавались давно. Об этом свидетельствует сам факт введения понятия позиции в фонологию. Недаром звуковую сторону слова называют фонетической структурой, а Л. В. Щерба говорит о звуковом слове-типе. На синтагматическую целостность слова указывает, в частности, его способность выступать в качестве единицы восприятия речи.

Специальное исследование [15] подтвердило структурированность звуковой стороны слова и раскрыло природу ее целостности. Оказалось, что, вопреки утвердившимся представлениям, синтагматическая целостность слова обеспечивается не одними лишь суперсегментными средствами (такими, как ударение или сингармонизм). В создании синтагматической целостности слова участвуют и сегментные единицы. Вряд ли можно согласиться с тем, что только «з в у к и позиционно связаны», тогда как «ф о н е м а т и ч е с к и е единицы являются свободными компонентами фонетического контекста, их появление не определяется позицией» [16, с. 17]: даже если под позицией понимать исключительно фонетические условия, то следует иметь в виду, что в чистом виде, без каких-либо грамматических и лексических ограничений, фонетические позиции не существуют. Если обратиться к фонемному составу слова, то и тогда за видимой дискретностью материальной стороны слова одновременно обнаруживается некое единство взаимосвязанных элементов, обеспечивающее структурную глобальность и непрерывность слова. (Отсюда относительный характер противоположения сегментных характеристик слова суперсег-

ментным: сегментная структура слова, характеризуя его как целостность, в этом смысле тоже «суперсегментна».) Указанная непрерывность проявляется, в частности, в тенденции к построению сегментной стороны слова по восходящей (восходяще-нисходящей) звучности. Структурированность сегментной стороны слова, обуславливающая ее единство и целостность, выражается в корреляции между степенью активности отдельных фонем и фонемных классов в той или иной позиции, с одной стороны, и фонетическими и, что особенно важно в данном случае, морфолого-синтаксическими свойствами позиций — с другой. В результате составляющие слово сегментные единицы — фонемы — оказываются не только в тесной зависимости друг от друга, но и в подчиненном положении по отношению к сегментной организации слова в целом. Таким образом, между отдельными сегментными единицами и сегментной организацией слова обнаруживаются отношения части и целого, а это значит, что как и любой другой целостный материальный объект, звуковая структура слова представляет собой единство прерывности и непрерывности.

5. Говоря о структурированности материальной стороны слова, следует особо подчеркнуть ее сложный, иерархический характер. Он проявляется не только в сосуществовании в слове сегментной и суперсегментной, консонантной и вокалической структур, хотя и взаимосвязанных, но функционально разграниченных и поэтому обладающих в то же время относительной самостоятельностью и автономностью. Содержательной структурой слова соответствует материальная его структура, ограничивающая произвольность звуковой стороны слова и ее связи со значением.

Впечатление произвольности материальной стороны слова в значительной мере обусловлено тем, что вопрос о характере отношений между значением и звучанием слова, как правило, решается применительно к отдельно взятому слову. При этом имеется в виду индивидуальное лексическое значение слова и не учитывается иерархическая структура его смыслового содержания, совмещающего значения разной степени обобщенности в соответствии с различными по объему и степени обобщенности группировками, классами слов, в которые входит данное слово [9, 10]. Если учесть, что «...устойчивыми и наиболее общими по сравнению с индивидуальным значением слова являются те категориально-обобщенные признаки, которые слова получают в данной системе языка, входя в различные по объему и степени обобщенности группировки» [9, с. 68], то решение вопроса о характере связи между звучанием и значением слова невозможно без анализа средств выражения категориально-обобщенных значений, без выявления фонетических различий между семиологическими, лексико-семантическими и грамматическими группировками слов. Характер и степень этих различий, естественно, зависят от типологических свойств языка, в частности от степени развитости морфологии, от соотношения значащих языковых единиц друг с другом.

6. В языках, четко разграничивающих морфему и слово, во-первых, и разные типы морфем, во-вторых, два наиболее крупных разряда словесных знаков — полнозначные и служебные слова, подобно знаменательным и служебным морфемам, различаются и фонетически. Это различие следует отнести прежде всего за счет того, что полнозначное (знаменательные) слова выполняют номинативную и сигнификативную функции, а служебные лишены этих функций и, обладая относительным и в высшей степени обобщенным значением, требуют для своего выражения меньше звуковых средств. В результате служебные слова, во всяком случае первообразные, в среднем короче полнозначных, уступая им по числу слогов, фонем и реализуемых фонемных сочетаний. Например, в немецком языке «...корневые слоги, образующие служебные слова, оказываются, как правило, более легкими и более открытыми, чем корневые слоги знаменательных слов» [17, с. 183].

Существенное значение имеет также то обстоятельство, что полнознач-

ное слово в отличие от служебного способно составить потенциальный минимум высказывания. В связи с тем, что высказывание не может быть меньше минимальной произносительной единицы — слога, причем в акцентных языках типа русского — непременно ударного слога, полнозначное слово в противоположность служебному всегда имеет слоговую форму и получает самостоятельное просодическое оформление. Для служебного слова и то, и другое необязательно, поскольку служебное слово, примыкая к полнозначному в качестве проклитики или энклитики, образует вместе с ним одно фонетическое слово. Так, в русском языке первообразные предлоги даже в тех случаях, когда они имеют слоговую форму, фонетически несамостоятельны во всех отношениях: акцентном, слоговом и звуковым (ср.: *сад отца* [сáт-/а́тцá] и *над отцом* [нѣ-д/а-тцѣм]).

Аналогичные различия наблюдаются между знаменательными морфемами, с одной стороны, и служебными (в первую очередь словоизменительными) — с другой. В знаменательных морфемах используется весь наличный состав фонем, в служебных он обычно ограничен. Знаменательные морфемы отличаются от служебных большей длиной и большей свободой комбинаторики фонем, ибо «выражение абстрактных отношений требует значительно меньшего количества звуков, чем выражение предметных значений» [18, с. 299]. Потенциально способные служить экспонентом слова, знаменательные морфемы тяготеют к слоговой форме и просодической самостоятельности (выделенности).

В системе языка полнозначное слово обладает двойкой соотносительности. Как «синтаксический атом» оно соотносится с предложением, как определенный тип связи морфем — с морфемой. Соответственно в звуковой форме полнозначного слова, и в частности в его консонантной структуре, совмещаются признаки, характеризующие его с внешней стороны как синтаксически неделимое целое, а с внутренней — как морфологическую единицу, которая может быть и членом. Так, восходящая звучность характеризует полнозначное слово в первую очередь как минимальное высказывание, а степень дифференциации позиций в консонантной структуре полнозначного слова отражает его морфемное строение. Но поскольку синтаксические признаки слова слиты с морфологическими, то и реализация тенденции к восходящей звучности теснейшим образом связана с морфологической структурой слова. Степень дифференциации позиций в консонантной структуре слова обуславливается не только его морфемным строением, но и степенью синтаксической самостоятельности (потенциальной изолируемости) и закрепленности слова за определенной позицией в высказывании в соответствии с первичной (по Е. Куриловичу) синтаксической функцией [15].

Отражение синтаксических и морфологических свойств слова обнаруживается и в его суперсегментной организации. В некоторых агглютинативных языках слово как морфологическая единица организуется с помощью сингармонизма, а как синтаксическая единица — с помощью фиксированного ударения [19]. В русском языке слово как «синтаксический атом» характеризуется определенной степенью ударности и той или иной ритмической структурой. Слово как морфологическая единица характеризуется определенным типом морфемного ударения. Тип ударения в случае производности слова зависит от его словообразовательной структуры, и прежде всего от ступени мотивированности, задающей акцентные свойства производящей базы и форманта. Благодаря подвижности акцентного соотношения основы и окончания морфологизованное (по И. А. Бодуэну де Куртене) ударение оказывается одновременно и синтактизованным: соотносительная со словоизменительной акцентная парадигма служит дополнительным средством выражения синтаксических соотношений.

Таким образом, звуковая форма слова оказывается единственным внешним и внутренним (ср.: «Как способ связи элементов содержания форма есть нечто внутреннее... Как способ связи данного содержания с содержанием других вещей форма есть нечто внешнее» [20, с. 128]).

7. При дальнейшем разбиении основного типа полнозначных слов, а именно характеризующих словесных знаков (нарицательных), на пред-

метные и признаковые (предикатные) имена и соответственно на части речи в фонетической структуре слова обнаруживаются признаки, указывающие на принадлежность слова к определенной части речи. И здесь, как и при разграничении полнозначных и служебных слов, существенное значение имеют номинативная «ценность» слова и его функциональные свойства. То обстоятельство, что глаголы и имена прилагательные, выражая отношения и признаки предметов, обладают более относительным номинативным значением, чем имена существительные, и уступают последним в отношении номинативной «ценности», находит свое выражение в фонемно-слоговой структуре морфов, в частоте и характере морфологических чередований фонем, в суперсегментной организации слова. Как показал анализ имен существительных и глаголов [21], различия в фонемно-слоговой структуре именных и глагольных словоформ могут касаться инвентаря используемых фонем, дистрибуции и комбинаторных возможностей фонем и фонемных классов, степени дифференциации позиций внутри морфов, типов слогов и их дистрибуции, длины морфов и словоформ в слогах и фонемах, соотношения слоговых и морфных границ, степени автономности фонемы и слога по отношению к морфеме. Так или иначе эти различия восходят к различиям функционально-семантическим и грамматическим. С одной стороны, выполнение основной для существительных номинативной функции требует большего набора звуковых средств, большего инвентаря фонем и слогов, более свободной их комбинаторики в корнях и словообразовательных морфемах, чем выражение закрепленной за глаголами предикативной функции, ибо предметный мир неизмеримо многообразнее и многочисленнее фиксируемых в языке отношений. Поэтому, например, в русском языке корни существительных отличаются от глагольных большей длиной, а в словообразовательных аффиксах существительных используется наибольшее число фонем сравнительно с остальными частями речи. С другой стороны, различия в длине именных и глагольных морфем тесно связаны с различиями в общей сложности слова. Чем выше синтетичность словоформ, чем чаще морфы выступают в связанном виде и оказываются в срединной позиции, тем они короче, тем чаще слог рассекается морфными стыками и тем слабее дифференциация позиций внутри морфа. В более синтетичных глагольных словоформах корни менее самостоятельны в семантико-синтаксическом отношении и, как правило, выступают в связанном виде в обрамлении аффиксов. Поэтому в среднем они короче именных. Поэтому фонетические позиции в составе глагольных корней дифференцируются слабее, чем в именных [22, с. 88]. Поэтому и морфологические чередования фонем свойственны в первую очередь глаголу. Отличаясь большей сложностью в плане содержания, особенно в области грамматических значений, глагол превосходит имя и по числу альтернативных рядов, и по их длине, и по количеству альтернативных парадигм. В результате в глаголах чаще, чем в именах, функция выражения грамматических значений ложится не только на флексию, но и на основу. Отсюда не столь четкое, как в имени, функциональное и формальное разграничение знаменательных и служебных морфем в глагольном слове, в чем также проявляется большая грамматичность и фузионность глагола как носителя предикативной функции [23, с. 351—352].

Сегментные различия между частями речи во многих языках подкрепляются суперсегментными средствами. Так, в языках со словесным ударением, например в русском, акцентные различия между частями речи могут касаться используемых ритмических структур и акцентных схем, преобладающих типов морфемного ударения, характера акцентных противопоставлений и закрепленных за ними функций, более или менее четкой соотнесенности акцентной структуры слова с морфологической, степени устойчивости словесного ударения во фразе и т. п. [21]. В частности, господствующее в русском языке неподвижное ударение на основе в существительных встречается чаще, чем в глаголах. При этом для существительных более характерно выделение корня, для глаголов — суффикса. Эти и другие акцентные расхождения между существительными и глаголами, по всей вероятности, имеют функциональную природу. В соответствии

с основной — номинативной — функцией существительных субстантивный корень как носитель вещественного значения обладает большей семантико-синтаксической самостоятельностью, чем глагольный. Отсюда акцентная активность субстантивного корня. Отсюда, в свою очередь, и большая унифицированность и стабильность ударения существительных, а именно — меньшее число активно используемых акцентных схем, меньшая нагрузка подвижного ударения. Акцентные особенности глаголов: увеличение числа акцентных схем, повышение частоты аффиксального и подвижного ударения, усиление противопоставленности полупарадигм — служат выполнению предикативной функции.

Группировки слов в составе частей речи с фонетической точки зрения еще менее изучены. Однако отдельные факты и наблюдения, отмеченные разными исследователями, говорят о возможности фонетической дифференциации и более дробных классов слов, нежели части речи. Согласно этим данным, в русском языке, например, как будто бы существует тенденция к акцентному разграничению имен существительных, различающихся по признакам «конкретный — абстрактный» [24, с. 129; 25, с. 46, 72, 74, 109, 122], «одушевленный — неодушевленный» [26, с. 6, 16—17, 23—24], «исчисляемый — неисчисляемый» [27]. По данным работы И. А. Федюниной, выполняемой на кафедре общего языкознания Университета дружбы народов им. П. Лумумбы, акцентная дифференциация членов синонимического ряда зависит от того, в какую семантическую группировку он входит. Синонимические ряды абстрактных и конкретных, одушевленных и неодушевленных существительных, наименований лиц и не-лиц, исчисляемых и неисчисляемых различаются по характеру использования акцентных средств. Наконец, имеется вполне определенная закреплённость одних схем подвижного ударения за существительными женского рода, других — за существительными мужского и среднего рода [28, с. 136—141].

8. Расхождения в звуковой форме различных классов слов, касаясь самых разных аспектов фонетической структуры слова, свидетельствуют о ее целостности, глобальности, с одной стороны, и о к а т е г о р и а л ь н о м характере связи между звучанием и значением слова — с другой. Это заставляет усомниться в справедливости положения о том, что «разный характер строения знака и его означаемого, а именно отсутствие соответствий в составе означаемого элементам знака (отдельным звукам) в свою очередь подтверждает отсутствие мотивированной связи между знаком¹ и означаемым» [7, с. 138]. Знак (в рассматриваемой концепции это односторонняя сущность) хотя и может быть разложен на дискретные единицы, но, как и означаемое, имеет глобальное строение и иерархическую структуру. Соответствия в составе означаемого — значения — отдельным звукам как элементам знака действительно отсутствуют. Однако этого нельзя сказать о соотношении между означаемым и знаком, между значением и звучанием слова в целом. Во всяком случае типы знаков (номеы) дифференцируются достаточно четко именно в соответствии с типами означаемых. По-видимому, можно утверждать, что произвольной (да и то относительно) является только форма выражения индивидуального лексического значения слова в соответствии с произвольностью, условностью закрепления какого-либо названия именно за данным предметом, а не за каким-либо другим. Закреплённость же данного названия за предметом, а не за признаком для каждого данного языка уже не является произвольной, по крайней мере, в тенденции.

Относительный характер произвольности выражения индивидуального лексического значения вытекает из системных свойств языка. Индивидуальное лексическое значение неотделимо от более общих «классных» значений. Основной носитель лексического значения — консонантная структура слова. Но она содержит информацию и о грамматических свойствах слова, определяемых его вхождением в различные группировки слов, и в частности его принадлежностью к той или иной части речи. Поэтому отдельные признаки согласных лексикализированы (семасиологизованы, по И. А. Бодуэну де Куртене) не в равной степени: одни больше, другие меньше. К первым относятся характеристики согласных по активному действующему

щему органу и способу образования, ко вторым — признаки «шумный — сонант», «глухой — звонкий» и вторичные локальные признаки типа твердости — мягкости в русском языке (на морфологизацию различий русских согласных по твердости — мягкости указывал еще И. А. Бодуэн де Куртене). Вокалическая структура слова отличается от консонантной большей избирательностью, большими ограничениями, что выражается в активном использовании одних гласных в ущерб другим. Тем самым снижается информационная нагрузка и ограничиваются словоразличительные возможности гласных. Во многих случаях роль гласных сводится лишь к созданию некоего базового фона для развертывания семантически нагруженных консонантных различий, с одной стороны, и цементирующих слово просодических различий — с другой. Поскольку реляционные грамматические значения требуют для своей реализации более или менее длинного линейного ряда, то для их выражения лучше подходят суперсегментные средства, характеризующие этот ряд как целое. Не случайно интонация и ударение причисляются к грамматическим способам. Соответственно среди сегментных единиц в грамматической функции предпочтительнее оказываются гласные, которые «...представляют в большинстве случаев длительные состояния» [29, с. 386] и являются основными носителями просодической информации. Лексическая ущербность гласных благоприятствует их специализации — более или менее развитой — на выражении грамматических значений слова.

Функциональные различия между согласными и гласными отчетливо прослеживаются и в тех изменениях, которые претерпевает в истории языков фонемный состав морфем и слов. Вряд ли случайно, что изменения звукового состава морфем и слов касаются прежде всего гласных. Так, «...лишь немногие слова современного немецкого языка имеют ту же огласовку, что и в древневерхненемецком» [30, с. 158]. Тот факт, что стимулом к изменению огласовки, в частности в результате редукции гласных, послужило развитие грамматического строя немецкого языка, говорит о связи гласных именно с выражением грамматических значений в первую очередь [30, с. 19, 122—126, 157—158]. Лексическая нагрузка согласных объясняет «...сравнительно большую устойчивость консонантного состава слов по сравнению с составом гласных» [30, с. 180—181], вследствие чего в современном немецком языке «согласные фонемы сохранились в словах и морфемах почти полностью в том же составе, в каком мы застаем их в древневерхненемецком» [30, с. 162].

О роли семантического фактора, и в частности лексической нагрузки согласных, в исторической устойчивости консонантного состава слов говорят и установленные Б. А. Серебренниковым импликации, в соответствии с которыми «согласные, относящиеся к корню слова, более устойчивы, чем согласные, входящие в состав суффиксов» (судя по примерам, и других служебных морфем) [18, с. 289], но и в них чаще всего «ассимиляции могут подвергаться согласные, совершенно утратившие значение» [18, с. 333].

Лексикализация одних фонематических противоположений и грамматикализация других, очевидно, не случайна и, отражая стратификацию фонологических и семантических различий в языковом развитии, указывает на их взаимосвязь: первичности лексических значений по отношению к грамматическим соответствует первичность консонантных противоположений по отношению к вокалическим [31, с. 255—256] и, далее, первичность локальных консонантных различий по отношению к различиям по способу образования.

Относительный характер произвольности выражения индивидуального лексического значения слова проявляется и в его суперсегментной организации и в алломорфном варьировании корня (основы). О системно обусловленной связи лексической семантики с акцентуацией свидетельствует, в частности, анализ на материале русского языка исходных («немотивированных») и производных («мотивированных») слов различных ступеней словообразования, равно как и словообразовательных цепочек в целом.

Между семантическими и фонетическими характеристиками членов сло-

вообразовательной цепочки имеется явный параллелизм. Непроизводные слова наименее однородны и типизированы не только в семантическом отношении [21, с. 122], но и в акцентном. На исходной ступени развита полисемия и представлено наибольшее число акцентных схем. С повышением ступени словообразования уменьшается и количество лексических значений слова [33, с. 40—41], и число используемых акцентных схем, так что на высоких ступенях безраздельно господствует одна схема — постоянное ударение на основе [21, с. 62—68], причем чаще всего не на словообразовательном форманте, а на производящей базе. Одновременно ограничивается чередование морфов в словоизменительной парадигме. Например, в словообразовательной цепочке *вести* → *водить* → *проводить* → *выпроводить* → *выпровождать* на исходной ступени корневая морфема представлена шестью алломорфами [в'ид'] (*вед'у*), [в'ид'] (*вед'ешь*), [в'о] (*вел*), [в'и] (*вели*), [в'ет'] (*вед'ший*), [в'ис'] (*в'ести*); на I и II ступенях — тремя [важ] (*вожу*), [вод'] (*водишь*), [вад'] (*вод'ля*); на III — двумя [в'ж] (*выпровожду*), [в'д'] (*выпровод'ишь*); на IV — одним [важ]. Таким образом, в тенденции складывается следующая вполне определенная корреляция: многозначность исходных слов — неоднородность акцентуации слов и словоформ, полиморфизм корня/основы в словоизменительной парадигме; однозначность производных слов высоких ступеней словообразования — однородность акцентуации, мономорфизм корня/основы. Соответственно «немотивированные» исходные слова являются основной сферой действия фузионных тенденций. В производных словах, особенно высоких ступеней словообразования (третьей, четвертой и выше), нередко грамматикализованных, усиливаются агглютинативные тенденции. Очевидно, в случае многозначности более актуально фонетическое противопоставление как слов, так и отдельных словоформ. Необходимость фонетического разграничения слов и словоформ на исходной ступени и, в частности, повышение здесь слово- и форморазличительной нагрузки ударения могут быть объяснены функционально — большей свободой употребления исходных, простых слов сравнительно с производными [34, с. 374]. Исторически акцентное разграничение словоформ, видимо, сопряжено с синтаксической связанностью древнерусских словоформ, когда «...семантика слова еще не вычленилась из семантики словоформы» [35, с. 81] и каждое значение коррелировало с особой грамматической формой.

Ограничение акцентной активности формантной части на высоких ступенях словообразования способствует поддержанию не только непосредственных, но и опосредованных мотивационных отношений между членами словообразовательной цепочки, обеспечивая тем самым ее структурное единство. Это становится вполне очевидным в тех случаях, когда несколько членов словообразовательной цепочки имеют ударение на одной и той же морфеме в пределах производящей базы. Ср.: *бол'еть* → *бол'евань* → *бол'езненный* → *бол'езненность*. Тем же целям служат и обратные чередования: *теши'ть* → *потеш'ить* → *потеша* → *потешный* → *потешно*.

Благодаря не только семантической, но и указанной фонетической корреляции с мотивирующими словами производные слова¹ обладают ярко выраженными индексальными признаками, в особенности на высоких ступенях словообразования, и, как заметила Е. С. Кубрякова, способны выполнять функции, свойственные заместительно-указательным знакам: дейктическую, анафорическую, препаративную [36, с. 67—68].

Звуковая организация простых (непроизводных) слов также не является произвольной. В частности, многообразие акцентных схем на исходной ступени не означает еще произвольности их употребления. Корреляция между семантическими и акцентными характеристиками слова выражается уже в том, что «...при разных значениях одного слова или в паре омонимов, связанных прямой семантической связью, выступает одна и та же акцентуация» [27, с. 101]. Следовательно, как в случае полисемии, так и в случае омонимии единство акцентуации указывает на определенное семантическое единство. И, что особенно важно, сам тип акцентуации связан с лексическим значением слова, в том числе и непроизводного,

а именно «...акцентуация слова определяется его основным значением... Например, слова *стол*, *ёрш* сохраняют флексийное ударение и в значениях неисчисляемого типа (соответственно „диета“, „определенный напиток“); слово *сыр* сохраняет наосновное ударение ед. числа и в значении „определенного вида кусок сыра“» [27, с. 95—96]. Зависимость акцентуации от категориальной отнесенности основного значения слова, отражая отношения семантической производности, связывающие лексико-семантические варианты многозначного слова в целостное иерархически организованное единство, исключает произвольность акцентной структуры слова (как производного, так и непроизводного).

Фонематическая структура непроизводного слова, даже если оно совпадает в своих звуковых границах с корневой морфемой, тоже не является произвольной. Она отражает как степень синтаксической самостоятельности и закреплённости слова за определенной фразовой позицией, так и морфологическую структуру полнозначного слова, характерную для данного языка вообще и для данной части речи в частности. Иными словами, функционирование сегментных единиц, прежде всего согласных, в той или иной позиции корневого слова зависит от соотношения значащих единиц (морфемы, слова, предложения-высказывания) и вскрывает потенциальную валентность корня и слова в данном языке. В позициях потенциального словесного стыка, потенциального морфемного стыка и внутри морфемы, в крайних и внутренних позициях высказывания согласные распределяются по-разному. Имеется диаграммное соответствие между консонантной структурой простого (корневого) слова и канонической морфологической структурой слова в данном языке. Таким образом, простое слово, выступая в качестве производящего и мотивирующего по отношению к производным однокорневым словам, само оказывается системно мотивированным, производным в своей фонетической организации, которая характеризует его как составной элемент системы [45].

Последнее в равной мере относится и к значению простого слова, также коррелирующему со значениями однокорневых производных слов. Очевидно, например, что нейтральность, немаркированность значения слова *дом* по признаку размера устанавливается путем соотносительности с производными словами, имеющими уменьшительное или увеличительное значение: *домик*, *домишко*, *домище*, *домина* и т. п. Принимая во внимание парадигматические и синтагматические связи простого слова, трудно согласиться с утверждением об отсутствии смысловой референции простого слова с «миром слов» [37, с. 90]. В своих структурных аспектах (синтагматическом и парадигматическом) значение любого слова — как производного, так и непроизводного — является системно мотивированным. Следовательно, и в плане выражения, и в плане содержания простое слово связано со своими дериватами. Налицо не односторонняя — от простого слова к производному, а обоюдная связь между простыми и производными словами и соответственно структурное ограничение произвольности простого слова в обоих планах.

9. Как член определенной языковой системы любое слово — и простое, и производное — содержит в своей звуковой стороне индексальные признаки, которые отсылают его именно к данному языку¹ и к данному классу слов, объединенных общими функционально-семантическими и грамматическими свойствами. Индексальные признаки, в свою очередь, неотделимы от иконических признаков диаграммного характера, отражающих тесное взаимодействие двух планов членораздельности в системе языка в целом и на лексическом уровне в частности. В результате звуковая сторона слова как члена языковой системы совмещает в себе наряду с символическими признаками признаки иконические и индексальные, а это ограничивает ее произвольность (ср. [4, с. 115]).

¹ На это неоднократно указывал Н. С. Трубецкой, считавший «рамочными» фонологическими единицами значащие единицы языка — морфему и слово: «В каждом языке фонемы сочетаются по специфическим для данного языка законам» [28, с. 274, см. также с. 279, 284].

В свете указанных выше данных признание того факта, что «произвольность знака и произвольность связи знака и означаемого... по-разному реализуются в языках различных типов» [7, с. 135], ставит под сомнение как исходный тезис о произвольности знака, ибо тип произвольности оказывается системно мотивированным, так и определение звуковой стороны морфемы и слова в качестве системнонейтрального свойства. Определяя язык как систему знаков, т. е. «...материальных предметов (звуков), наделенных свойством обозначать что-то, существующее вне их самих» [7, с. 10], В. М. Солнцев вместе с тем считает, что «...системообразующие свойства и морфем и слов (формирующие соответственно и систему морфем и систему слов) определяются их значениями, но не звучаниями, поскольку язык является вторичной материальной, или знаковой, системой. Звуковая сторона и морфем и слов и ее особенности являются в принципе системнонейтральными по отношению к образуемым ими системам. И морфема и слово как двусторонние единицы языка являются тем, чем они являются, именно благодаря своим значениям» [7, с. 191]. Принять определение материально-субстанциональных свойств языковых знаков как системнонейтральных значит согласиться с исключением из понятия системы ее субстанции. Этому, помимо общетеоретических соображений, высказанных Г. П. Мельниковым [38], мешает ряд обстоятельств. Во-первых, материальная природа языкового знака отнюдь не безразлична, как она связана с самой сущностью языка как социального явления [40]. В этом смысле звуковая материя языковых знаков является системообразующим свойством. Во-вторых, звуковая сторона морфемы и слова может быть образована только звуковыми средствами данного языка. Их инвентарь и способ комбинирования в той или другой степени сопряжен со структурой данной языковой системы как целостности. В-третьих, звуковая сторона морфем и слов регулируется синтагматическими и парадигматическими отношениями в рамках соответствующего уровня. Отсюда мотивированность отношений между означающими [3, с. 37]. В-четвертых, звуковая сторона морфем и слов зависит от особенностей конститутивных отношений между значащими единицами различных рангов в данном языке, т. е. от соотношения друг с другом морфемы, слова и предложения, от способности морфемы составить потенциальный минимум слова, а слова — потенциальный минимум высказывания, от того, насколько разграничены знаменательные и служебные слова и морфемы. Соответственно и фонемы конституируют морфему не как некий автономный элемент, а как составную часть словесного целого, обладающего определенными синтаксическими функциями и значением. В-пятых, звуковая сторона морфем и слов вполне определенным и специфическим для каждого языка способом соотнесена с их значениями. Иначе звучания вряд ли могли бы указывать на определенные значения.

Звучания и значения существуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Между ними имеется определенное соответствие. Категориальный характер этого соответствия и его регулярность говорят о единстве звуковой формы и формы содержания двусторонних языковых единиц. И слова различных классов, и морфемы различных типов, различаясь по своему значению, различаются и в звуковом отношении. И хотя в единстве звучания и значения двусторонних единиц языка, как и в любом другом единстве формы и содержания, содержательной стороне принадлежит ведущая роль, морфема и слово «являются тем, чем они являются», благодаря не только своим значениям, но и своим звучаниям, а точнее, благодаря единству значения и звучания, проявляющемуся в соотнесенности семантической структуры с фонетической.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моррис Ч. У. Основания теории знаков. — В кн.: Семиотика. М., 1983.
2. Пауфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
3. Гамкрелидзе Т. В. К проблеме «произвольности» языкового знака. — ВЯ, 1972, № 6.

4. Якобсон Р. О. В поисках сущности языка.— В кн.: Семиотика. М., 1983.
5. Чейф У. Л. Значение и структура языка. М., 1975.
6. Виноградов В. В. О формах слова.— В кн.: Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.
7. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
8. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
9. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.
10. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
11. Серебрянников Б. А. К проблеме типов лексической и грамматической абстракции (О роли принципа избирательности в процессе создания отдельных слов, грамматических форм и выбора способов грамматического выражения).— В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
12. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
13. Важек И. Пражские фонологические исследования сегодня.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
14. Платкин В. Я. Очерк диахронической фонологии английского языка. М., 1976.
15. Зубкова Л. Г. Сегментная организация простого слова в языках различных типов: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1978.
16. Панов М. В. О разграничительных сигналах в языке.— ВЯ, 1961, № 1.
17. Адмони В. Г. Морфологическая структура слова в немецком языке.— В кн.: Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
18. Серебрянников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
19. Виноградов В. А. Сингармонизм и фонология слова: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1966.
20. Основы марксистско-ленинской философии. М., 1977.
21. Зубкова Л. Г. Части речи в фонетическом и морфологическом освещении. М., 1984.
22. Trubetzkoy N. Das morphonologische System der russischen Sprache.— TCLP, 1934, 5.
23. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
24. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.
25. Хазагеров Т. Г. Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973.
26. Хазагеров Т. Г. Подвижное ударение в современном русском словоизменении: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1980.
27. Зализняк А. А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода.— В кн.: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
28. Федякина Н. А. Ударение в современном русском языке. М., 1982.
29. Мальмберг Б. Проблема метода в синхронной фонетике.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
30. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка. М.— Л., 1965.
31. Якобсон Р. О. Звуковые законы детского языка и их место в общей фонологии.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
32. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
33. Ермакова О. П. Словообразовательная цепь в семантическом аспекте.— В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1982.
34. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
35. Колесов В. В. Синонимия как разрушение многозначности слова в древнерусском языке.— ВЯ, 1985, № 2.
36. Кубрякова Е. С. Производное слово в лексике и грамматике.— В кн.: Слово в грамматике и словаре. М., 1984.
37. Кубрякова Е. С. Семантика производного слова.— В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.
38. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960.
39. Мельников Г. П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной.— В кн.: Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М., 1967.
40. Зиндер Л. Р. Материальная сторона языка и фонема.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.